

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ПЯТАЯ

**„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925 г. — ЛЕНИНГРАД**

Х Р О Н И К А

◆ Произведения дальневосточного искусства в Париже. По частным сведениям из Парижа от одного из известных русских японистов, в мае 1924 г. там произошло довольно значительное событие, а именно, продажа с аукциона коллекции известного собирателя предметов японского искусства — Луи Гонза. Это был автор первой книги по японскому искусству, написанной около 40 лет тому назад и теперь почти утерявшей свое значение, особенно после новых книг, раскрывших нам многое, совершенно непонятное для пионеров. Коллекция, как и самая книга, обличает в авторе эстета-европейца, считающегося исключительно со своими вкусами. Лучшая часть коллекции, это — японские гравюры на дереве, но и они далеко не безупречны. Несколько хороших экземпляров мастера Харунобу († 1770), но некоторые из них как будто недокопчены. Так, ксилограф, изображающий молодую девушку на террасе, прекрасен по рисунку, но одной красочной доски не хватает, потому что вода, изображенная за домом, осталась белою, тогда как мы знаем хорошие ксилографы с этим же сюжетом, где вода сзади голубая. Затем в коллекции есть несколько хороших гравюр с головами актеров, работы Сяраку (работал около 1780 — 1800 г.г.), и затем то, что парижскою публикой считается наилучшим — гравюры Утамаро. Среди них — известный триптих, изображающий обнаженных ныряльщиц за раковинами „аваби“. Этот триптих оценивается в 50.000 франков. Но для любителей японской гравюры большой интерес представляли японские иллюстрированные книги, среди которых многие действительно интересны и редки. Но мода на иллюстрированные книги не захватила широких кругов покупателей,

и ими интересуются лишь подлинные знатоки.

Кроме гравюр, было 46 какемоно, но среди всего этого живописного материала лишь 4 или 5 картин были хороши и интересны. Прекрасный монохромный пейзаж работы Кано Мотонобу (ум. 1569), в котором еще слышатся далекие отзвуки великих мастеров Китая эпохи Сун (около X в.). Японские ширмы, которыми наследники Гоона дорожат, оказываются посредственными, как и керамики, лаки, эфесы. Но коллекция блещет роскошными костюмами актеров, исполняющих лирические драмы „но“.

Предварительная выставка всех этих предметов привлекла много публики. По распродаже оказалось, что за коллекцию выручено полтора миллиона франков. Таким образом, дальневосточное искусство продолжает играть в Париже огромную роль.

Особенно эта роль отмечена выставкою (с 5 мая) в музее Чернуски китайских художественных предметов, главным образом скульптуры эпох Вэй (V — VI в.в.) и Тан (VII — X в.в.), которую привез из Китая профессор Стокгольмского университета О. Сирен. Здесь же выставлена огромная коллекция старинной китайской бронзы и керамики, привезенной все тем же неутомимым собирателем-коммерсантом Ванником, который изумил в 1911 г. весь художественный мир Парижа своими скульптурными статуями Вэй. Он, между прочим, по указаниям проф. Пэллио, нашел на месте затонувшего в 1108 году города Чжулоусянь прекрасные светло-голубые фарфоровые чашки.

Значение всех этих выставок, при всей своей коммерческой окраске, очень важно для историков искусства, которые имеют возможность, не ездя в да-

лекий и ныне опасный Китай, изучать наглядно произведения, которых никто из них даже в Китае не увидел бы. В связи с деятельностью издательств (напр., Вепп и С^о), выпускающих книги, о которых еще недавно никто и думать не мог, легко видеть все дальнейшие перспективы нашей науки, которая пользуется и музеями, и коммерсантами для своей единой цели.

В. А.

♦ Восточная пресса во Владивостоке. В настоящее время во Владивостоке издаются следующие восточные издания:

„Владиво Ниппо“, японская газета под редакцией Идзуми, возникшая в 1920 г.

„Джун-Хуа-Шан-бао“, китайская торгово-промышленная газета.

„Авангард“, корейская революционная газета.

„Рабочий путь“, китайская революционная газета.

Первые две газеты ежедневны, вторые — еженедельны.

Во Владивостоке имеются: по одной китайской и японской типографии и восточный отдел типографии Государственного Дальневосточного университета.

♦ Пресса в Афганистане. Оживление умственной и политической жизни в пробуждающемся Афганистане сказалось в значительном числе периодических изданий на персидском языке, начавших выходить за последние годы в разных местах еще недавно замкнутой в себе страны. Правда, при очень приличной внешности некоторых из этих изданий, — включительно до рисунков на меловой бумаге (в роде „Аман-е-Афган“), — весьма избитый шрифт и плохая бумага резко бросаются в глаза и говорят о бедности страны, подтверждается тяжелое финансовое положение, которое заставляет всячески сокращать государственные расходы. В настоящее время в Афганистане выходят: в Кабуле — „Спокойствие афганского народа“ (Аман-е-Афган), еженедельно, „Афганец“ (Афган), ежедневно, „Военный Журнал“ (Маджала-йе-Маджму'а-йе-аскарййа), ежемесячно, и „Расточитель знаний“ (Мосреф-е-Ма'арэф), тоже ежемесячно; в Кандагаре издается еженедельная газета „Возрождение афганского народа“ (Толу-е-Афган), в Джелал-Абаде — выходящее дважды в неделю „Объединение Востока“ (Иттехад-е-Машраки), в Герате — „Панисламизм“ (Иттефак-е-Ислам), в Хусте — „Благородный журнал Героя“ (Джарида-йе-шарифа-йе-Гази), в Хан-

Абаде каттаганском — „Реформа“ (Ислах) и в Мазари-Шерифе — „Панисламизм“ (Иттехад-е-Ислам), все четыре — еженедельные.

С — в.

♦ Наука и жизнь в Афганистане. Последние №№ афганских газет от конца 1923 года полны известиями о лихорадочной просветительной деятельности афганского правительства. Страницы официального „Аман-е-Афган“ пестрят сообщениями и репродукциями из жизни молодых афганцев, находящихся в заграничных учебных заведениях (пока только во французских и германских). В самом Кабуле открываются школы для детей обоего пола разных типов — иностранцами (почти исключительно немцами), приглашаемыми правительством по особым контрактам. Столь же интенсивно идет приглашение в Афганистан западноевропейских специалистов в области агрономии, строительного искусства, химии и прочих дисциплин. И контракты с этими лицами, полностью помещаемые на столбцах газет, дают любопытные сведения о взаимных обязательствах афганского правительства и приглашаемых им специалистов.

И если с севера, чрез Русский Туркестан, в Афганистан движутся немцы, то с юга туда проникают французы, которым афганское правительство предоставило исключительное и долгосрочное право производства археологических раскопок на всей территории Афганистана. И г. Фуше там является таким же археологическим диктатором, каким был Масперо в Египте. Обширные раскопки французов в Балхе, обнаружившие буддийский город со статуями (разбитыми, впрочем, фанатичными рабочими), вызывают немало разговоров среди населения и по эту сторону Аму-Дарьи. Повидимому, укреплению французского влияния в Афганистане будет способствовать не только культурная миссия г. Фуше, на которого возложена также организация в Кабуле государственного музея с библиотекою, но и состоявшийся в 20-х числах сентября прошлого года приезд в Кабул чрезвычайного французского посланника со всем посольским штатом; он был очень тепло принят, и в честь его был дан пышный банкет.

Административный центр Афганистана и резиденция эмира переносится в местность „Чар-Джихи“, в 4—5 верстах от Кабула, где развивается и строится новый город „Дар-о-Аман“, — название, должествующее обозначать „Обитель безопасности“ и намек на имя эмира Аман-Улла. Г. Годар, французский инженер, за успешное составление плана

новой столицы получил от молодого эмира весьма интересное пожалование: ему было приказано выдать в подарок из Кабульского государственного музея старинную рукопись „Шах-Наме“, оцениваемую свыше 20 тысяч рупий. 17 октября минувшего года состоялась торжественная закладка нового города в присутствии эмира, министров, членов организационно-строительной комиссии: Махмуд - Сервер - Хана (личного адъютанта эмира), заведывающего всеми строительными работами, немецкого инженера Вальтера Гартена, и французского инженера, разбивающего и планирующего город, упомянутого г. Годара, массы приглашенных лиц и массы народа, собравшегося посмотреть на невиданное зрелище. В письменах, вложенных в первый камень, положенный эмиром, между прочим, от имени эмира указывается, что он закладывает этот город, как первый образец в стране гигиены и комфорта по сравнению с теми нездоровыми и антисанитарными жилищами, в которых до сего в течение веков жили афганцы, и оправдание своему настоящему действию эмир видит в стихе Корана „чистый город — господь прощающий“ (Сура, 34, ст. 14).

А. С—в.

◆ Результаты раскопок в Самарре. Все больше и больше привлекают взор внимательного востоковеда исламские культуры Месопотамии, Ирана и Туркестана, вскрывающие перед нами небывалый культурный расцвет. Своевременно познакомиться теперь с результатами тех раскопок, которые были произведены немецкими учеными Сарре и Херцфельдом в Самарре, столице аббасидских халифов, в 1911 — 1913 г.г.

Предварительная рекогносцировка была предпринята Сарре и Херцфельдом еще в 1907 — 1908 г.г.; тогда же ими было получено от турецкого правительства разрешение на производство раскопок в районе древней Самарры. Однако экспедицию удалось снарядить только через три года. Начавшаяся война помешала участникам поездки опубликовать полностью результаты своих работ. До сего времени ¹⁾ мы имеем только ряд предварительных отчетов, и последний из них, вышедший в 1922 году, дает нам возможность хотя бы схематически обрисовать результаты самаррских раскопок.

Основанная халифом аль - Мутасимом Самарра занимает громадное пространство, измеряемое 66 кв. километрами. Почти две трети этого пространства были застроены халифом аль - Мутаваккилем,

который покрыл зданиями северную часть города и соорудил грандиозную мечеть, вмещающую, по словам Сарре, около 100.000 человек, с оригинальной спиральной башней.

Главной задачей экспедиции было подробное обследование этой мечети, Балкувары, дворца принца аль - Мутазаа и большого халифского дворца. На ряду с этим были обнаружены также и следы частных домов, построенных по одному образцу. Все они образуют ряд комнат, расположенных вокруг прямоугольного дворяка, при чем главная комната воспроизводит форму буквы „т“. Любопытно отметить здесь указание Сарре на то, что в этих домах им были обнаружены докольные орнаментальные украшения, близко напоминающие орнаменты хеттских и ассирийских дворцов. Особенное внимание в своем очерке Сарре обращает на орнаментальные стенные украшения, с которых ему удалось снять 86 гипсовых слепков и среди которых он различает три художественных стиля.

Первый стиль отличается очень неглубоким, почти плоскостным рельефом, слегка оживленным сверленными дырочками. Окраски почти нет, только иногда незначительные углубления орнамента окрашены в синий или красный цвет. Бордюр здесь чрезвычайно узок, цоколя нет совсем, так что орнаментальный рисунок занимает всю поверхность стены, достигая до самого пола. В качестве любопытного образца этого стиля Сарре приводит рисунок и описание стены с пятью причудливыми нишами, каждая из которых разделена на три вертикальные части.

Узоры второго стиля нанесены свободной рукой художника посредством резца, а не путем накладывания соответствующих форм, как в первом случае. Отсюда и растущая сложность форм, которые становятся ярче, многообразнее и богаче. Здесь встречается уже деление всей поверхности на квадраты, многоугольники и круги, которые часто заполнены ярко выраженным растительным орнаментом. Наконец, третий стиль характеризуется наибольшим усложнением орнамента, особенно резко оттененным темной глубиной фона. Среди растительных образцов этого стиля можно отметить излюбленные здесь формы виноградных листьев и виноградной лозы.

В заключение отдела автор ставит ряд вопросов о хронологической датировке, о происхождении и о взаимоотношении этих трех стилей, а также и о возможности иноземных влияний, — ряд вопросов, на которые он, однако, не находит возможным дать ответы.

¹⁾ Заметка написана в марте 1924 г.

Вслед за стенными украшениями следует указать на роскошное убранство тронного зала, в котором нас поражают мраморные доколы, мозаики стен и стенные украшения из ромбообразных перламутровых пластинок, наконец резные деревянные двери, раскрашенные и богато позолоченные. Не менее интереса представляет и фресковая роспись, обнаруженная при раскопках в Самарре. Внутри богатого аканфового обрамления мы находим изображения зверей, сцены охоты и домашнего быта, которые поразительно близко напоминают фресковую живопись из Кусейр - Амра. И в то же время Сарре считает возможным проводить здесь параллель с буддийской живописью Китайского Туркестана, устанавливая, таким образом, в Самарре связующее звено между эллинистическим искусством Сирии и дальне-восточными мотивами.

Наконец, несколько страниц посвящает автор и керамике, разделяя ее на ввозную и местную. Керамика ввозилась в Самарру, по мнению Сарре, из восточной Азии: из Китая и, может быть, Японии. Здесь интересно отметить кубкообразные, тонкостенные сосуды на высоких ножках, иногда украшенные изображением рыбы. Некоторые из этих сосудов покрыты зеленой, желтой и коричневой поливой. Местная самаррская керамика отличается большим разнообразием. На ряду с грубо-обожженными глиняными сосудами мы находим тонкие и художественные подражания восточно-азиатским образцам. Есть здесь большие сосуды с ручками, есть маленькие, изящные и орнаментированные, есть также и поливные, голубые или зеленые различных оттенков. Самыми же лучшими из них Сарре считает те, которые своей окраской подражают серебряной и золотой посуде.

В заключение своей статьи автор отмечает результаты раскопок в мечети. Здесь останавливают наше внимание замечательные образцы раскрашенных и золоченых витражных стекол, которые обнаруживают высокую технику обработки стекла, в виде стеклянной мозаики, служившей также и для украшения стен. На ряду с этим в мечети были найдены: интересный рельеф с изображением идущих верблюдов, чрезвычайно реально изображенных; вазы, чаши из мрамора, лампы, сосуды для курения, металлические предметы, монеты и папирусы.

В. Аадиев.

◆ Васьяковский клад. В феврале 1924 года Государственному Эрмитажу удалось приобрести большой клад

арабских (куфических) и западно-европейских монет, найденный в октябре 1923 г. в деревне Васьково, бывшей Дунянской волости, Великолуцкого уезда, Псковской губернии. Клад был куплен непосредственно у нашедшего, крестьянина Евдокима Ивановича Трофимова, который сообщил о своей находке следующие подробности: будучи при стаде, сын Трофимова случайно нашел несколько серебряных монеток, что и побудило отца отправиться на следующий день с лопатой в указанное место и вырыть у самой поверхности земли около 7 фунтов серебра в монетах и вещах. Там же валялись черепки от горшка, в котором, повидому, и находились найденные монеты. Вес всего клада 2.725 гр., из них 368,5 гр. приходится на украшения, 1.498,5 гр. — на монетный лом, и только 858 гр. — на цельные экземпляры монет. Вещи были следующие: витой браслет, две пряжки и куски проволоки. Монеты, как и вещи, поражают своей чистотой.

Западно-европейские монеты были разобраны Н. П. Бауером. Наиболее древними монетами клада, по мнению его, являются один цельный и 4 поломанных кружка, стертые и уменьшенные в диаметре, — повидому, это — остатки римских денариев. Кроме того в кладае находились 5 византийских монет (от Романа I до Василия II), одно подражание Дюрстедтскому феннигу (обломок), 26 цельных и 69 обломков англо-саксонских монет Этельреда II (976—1016), 168 цельных и 247 обломков немецких монет X—XI в.в., одна итальянская и 2 целые и 4 обломка чешских монет.

Огромное большинство составляли восточные, главным образом, куфические монеты и обломки.

Два обломка оказались сасанидскими, остальные все куфические. Весьма интересен один обломок диргема, чеканенный в 349 г. в Седжестане от имени Саффарида (?) Ахмеда бен Мухаммеда. Монеты владетелей Седжестана IV в., выдававших себя за потомков знаменитого Саффарида Амра б. Лейса, крайне редки. В топографии Маркова отмечен только один случай находки подобных диргемов: в Муромском кладе — 1868 г. (Марков, Топография 6, № 28) находились 3 диргема того же Ахмеда б. Мухаммеда, чеканенные в Седжестане в 321, 323 и 324 г.г., — все они известны в единичных экземплярах.

Нечто совершенно небывалое, это — находка обломка фатимидского диргема. Марков в Топографии совершенно не упоминает о подобных находках. У него упомянуты только 3 находки золотых фатимидских монет (одна в Швеции, две

во Франции) и одна находка стеклянного обломка в Далмации. Наш обломок чеканен фатимидским халифом Муиззом (953 — 975 г.г.). К сожалению, ни года, ни города чекана на нем не сохранилось. В виду того, что фатимидские диргемы вообще очень редки (в Эрмитаже их всего только 16, тогда как динаров 148, а в богатейшей Парижской коллекции — 20 диргемов и 362 динара), приобретение этого маленького обломка само по себе имеет научное значение, даже независимо от того крайне интересного факта, что это первый фатимидский диргем, о котором достоверно известно, что он найден в С. С. С. Р. Из остальных монет наиболее интересны: один обломок диргема мерванидского эмира Абу Мансура Саида, монеты которого до сих пор совершенно неизвестны, и два диргема, битые Марванидом Мумаххид-ад-даулей в 394 и 399 г.г. в Хасани, являющиеся первыми известными нумизматическими памят-

никами этого города. Кроме этих исключительных по своей научной ценности экземпляров, в кладе находилось немало и других, представляющих весьма крупный научный интерес, монет.

Что касается предельного времени зарытия клада, то оно определяется позднейшей находившейся в нем монетой, которая чеканена в 1012/13 г. Для определения термина самого раннего времени, к которому можно отнести клад, весьма важно полное отсутствие в нем некоторых западно-европейских монет, обычных в более поздних кладах — монет Канута Великого (1016 — 1037), монет Генриха II с императорским титулом, который он приобрел в 1014 г., и монет кельнского епископа Пилигрима (с 1021 г.). В виду этих соображений, Н. П. Бауер определяет время зарытия клада 1015 г., допуская колебание вплоть до 1018—20 г.

Р. Фасмер.